

ОТРАЖАЮТСЯ ЛИ ШИИТСКО-СУННИТСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА ИРАНО-САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ?

Михаил Андреевич Подрезов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
podrezovm@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-4385-2102>

Аннотация. Соперничество Ирана (Исламская республика Иран, ИРИ) и Саудовской Аравии (Королевство Саудовская Аравия, КСА) в настоящее время является одним из определяющих факторов взаимодействия государств на ближневосточной политической арене. При этом раскол исламского мира на суннитов и шиитов зачастую представляется как фактор, влияющий лишь на характер двусторонних отношений между Тегераном и Эр-Риядом. Однако Иран позиционирует себя как центр притяжения всех ближневосточных шиитов, в то время как Саудовская Аравия стремится к формированию антииранского альянса на суннитской основе. В статье анализируется воздействие доктринальных противоречий между этими двумя ветвями ислама на подход ИРИ к её отношениям с КСА на основе анализа риторики иранских официальных лиц, представителей духовенства, материалов государственных СМИ — и соотнесения их с основными концептами современной иранской религиозной идеологии. На основании анализа риторики СМИ автор приходит к выводу, что критика в адрес Саудовской Аравии к настоящему времени утратила религиозный подтекст, Тегеран не позиционирует своё противостояние с Эр-Риядом как борьбу с «врагами ислама» или с «вероотступниками». Традиционные эпитеты, причисляющие их обладателей к «сторонникам сил тьмы», активно используемые в отношении стран Запада и Израиля, не приводятся критиками правящего саудовского дома. Одновременно критика ваххабизма как религиозного течения не связывается с современным политическим руководством королевства. Наоборот, иранская критика внешней и внутренней политики КСА сосредоточена на осуждении ущемления саудовскими властями прав человека и свободы СМИ, поддержке протестного движения в Иране и борьбе с союзными ему йеменскими хуситами. Даже гонения на шиитов в Саудовской Аравии, которым иранская пресса уделяет значительное внимание, рассматриваются с позиции общемировой концепции прав человека, а не как борьба одной религиозной группы с другой. Само королевство также не включено в число идеологических врагов Ирана, которыми со времён Исламской Революции на уровне официальной риторики названы США и Израиль. Заявления ряда представителей иранского

политического истеблишмента о необходимости мирного сосуществования двух стран и достигнутые в марте 2023 г. договорённости о нормализации двусторонних отношений говорят о прагматичном подходе Тегерана к взаимоотношениям с Эр-Риядом, не подверженном влиянию шиитско-суннитских противоречий в их догматико-религиозном измерении.

Ключевые слова: религиозные противоречия, Иран, Саудовская Аравия, Ближний Восток, шиизм, суннитско-шиитский раскол

Для цитирования: Подрезов М.А. Отражаются ли шиитско-суннитские противоречия на ирано-саудовских отношениях? // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 50–62. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-50-62>

Research article

DO SHIA-SUNNI TENSIONS AFFECT IRANIAN-SAUDI RELATIONS?

Mikhail A. Podrezov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
podrezovm@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-4385-2102>

Abstract. Today the rivalry between Iran and Saudi Arabia is one of the defining factors in the Middle East political arena. The Islamic world's division into Shiite and Sunni is often considered a factor affecting bilateral relations between Tehran and Riyadh. Iran positions itself as the center of gravity for all the Shiites in the region, while Saudi Arabia seeks to form an anti-Iranian alliance on a Sunni basis. This article assesses the impact of the doctrinal tensions between these two branches of Islam on the Iranian approach towards its relations with Saudi Arabia. For this purpose, the author analyses the rhetoric of Iranian officials, clerics, and state-run media in the context of the main concepts of the Iranian contemporary religious ideology. The author concludes that criticism of Saudi Arabia has lost its religious connotation and Tehran does not position its confrontation with Riyadh as a fight against *the enemies of Islam* or *apostates*. The traditional epithets classifying their holders as supporters of the forces of darkness and actively used against the Western countries and Israel are not cited by critics of the Saudi dynasty. Moreover, the criticism of Wahhabism as a religious movement is not linked to the kingdom's current political leadership. On the contrary, the Iranian criticism of the Saudi foreign and domestic policies focuses on condemning the Saudi authorities' infringement on human rights and media freedom, supporting the protest movement in Iran, and fighting the Houthis. Even the persecution of Shiites in Saudi Arabia, to which the Iranian press has devoted considerable attention, is viewed from the perspective of the global concept of human rights, rather than as the struggle of one religious group against another. The kingdom itself is not considered an ideological enemy of Iran, which since the Islamic Revolution has been the US and Israel. The statements by some representatives of the Iranian political establishment on the need for peaceful coexistence between the two countries, along with the March 2023 agreements on normalizing bilateral relations indicate Tehran's pragmatic approach to interaction with Riyadh which is not affected by the Shia-Sunni controversy in its dogmatic and religious dimensions.

Keywords: Religious Contradictions, Iran, Saudi Arabia, Middle East, Shi'ism, Sunni-Shi'ite Divide

For citation: Podrezov, M. A. (2023) 'Do Shia-Sunni Tensions Affect Iranian-Saudi Relations?', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 7(2), pp. 50–62. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-2-26-50-62>

Иран и Саудовская Аравия являются двумя полюсами силы на Ближнем Востоке, между которыми наблюдается наибольшая напряжённость. Соперничество Тегерана с Эр-Риядом оказывает значительное влияние на региональные процессы, заметно отличаясь от риторики по поводу отношений Тегерана с Тель-Авивом и Анкарой. Как известно, отношения Ирана с Израилем остаются враждебными со времён Исламской революции 1978–1979 гг. Демонстративный антиизраилизм является одной из основ внешней политики и государственной идеологии Ирана [Месамед, 2009: 32–33]. Официальные лица ИРИ в своих публичных выступлениях неизменно обращаются к теме «оккупированных территорий Палестины», а в ходе проправительственных демонстраций¹ уничтожаются государственные символы так называемого «сионистского режима» и произносятся антиизраильские лозунги. Однако Израиль, обладающий мощной армией и пользующийся поддержкой США, не может сам по себе представлять экзистенциальную угрозу для Ирана как из-за значительной разницы в численности населения (в Израиле проживает менее 10 млн человек, в то время как в Иране — более 80 млн), так и из-за неспособности Тель-Авива стать центром формирования антииранского альянса — во многом из-за негативного отношения граждан соседних мусульманских государств к еврейскому государству на территории Палестины.

Турция, в свою очередь, является «заклятым другом» Ирана [Rezaei, 2019: 204]. Тегеран и Анкара придерживаются различных позиций в Сирийском кризисе, а после Второй Карабахской войны и вовсе наметилась новая область противостояния в регионе Южного Кавказа. Тем не менее, Иран

и Турция заинтересованы в поддержании стабильности в Ираке и недопущении подъёма курдского национального движения [Свистунова, 2019: 136], а также в развитии экономического взаимодействия.

В отличие от Турции и Израиля, Саудовская Аравия представляет серьёзную угрозу для ИРИ как точка притяжения антииранских сил в регионе. Огромные доходы от экспорта углеводородов и поддержка США являются основой увеличения военно-политического потенциала Эр-Рияда, а обладание правителем КСА статусом «Служителя Двух святынь» и его претензии на лидерство в исламском мире способны привлечь на сторону Эр-Рияда часть суннитов региона. Реализация подобных амбиций Саудовской Аравии в настоящий момент сталкивается с рядом препятствий, среди которых наиболее значимыми являются её неспособность добиться реализации единой антииранской линии хотя бы в рамках ССАГПЗ и неудачи в противостоянии с йеменскими хуситами, которые, получая иранскую поддержку [Кузнецов, 2021: 189–191], смогли оказать неожиданный отпор намного более сильному противнику². Однако градус напряжённости между Ираном и Саудовской Аравией возрастает в последнее десятилетие, иллюстрацией чему может служить публикация Wall Street Journal от 1 ноября 2022 г., где со ссылкой на неназванных саудовских должностных лиц сообщалось о планах Тегерана напасть на королевство³. И хотя вероятность полномасштабного конфликта между двумя странами достаточно невелика, Иран и КСА, безусловно, являются противниками на региональной арене.

Об ирано-саудовских отношениях писали авторы работ по внешней политике ИРИ в Ближневосточном регионе с акцентом на её военно-политической состав-

¹ Речь идёт о демонстрациях не просто разрешенных, но организованных властями по случаю каких-либо годовщин или событий.

² Ансаралла бе ек кодрат-е мосалам дар йаман ва джазире-оль-араб табдиль шоде-аст [«Ансаралла» стала несомненной силой в Йемене и на Аравийском полуострове] // ИРНА. — 2022. — 26 марта. — URL: <https://www.irna.ir/news/84690021>

³ Nissenbaum D. Saudi Arabia, U.S. on High Alert After Warning of Imminent Iranian Attack // The Wall Street Journal. — 2022. — 1 Nov. — URL: <https://www.wsj.com/articles/saudi-arabia-u-s-on-high-alert-after-warning-of-imminent-iranian-attack-11667319274>

ляющей, в частности, В.М. Ахмедов [Ахмедов, Кулагина, 2021], П. Осиевич [Osiewicz, 2021], Ф. Резаи [Rezaei, 2019] и О. Селиктар [Seliktar, Rezaei, 2020]. Исследованию суннитско-шиитских противоречий в регионе посвящена работа А.А. Кузнецова [Кузнецов, 2021], в которой он анализирует противоречия между странами региона по линии раскола в исламском мире, в том числе между ИРИ и КСА. Изучением религиозной составляющей разногласий между мусульманами также занимается О.С. Чикризова. В частности, она с общих позиций исследует влияние догматической стороны вопроса на практические шаги во внешней политике стран исламского мира [Чикризова, 2015: 74–82].

Цель данного исследования — рассмотреть на основе анализа выступлений официальных лиц ИРИ и публикаций иранских государственных СМИ вопрос о том, оказывают ли суннитско-шиитские идеологические расхождения реальное влияние на отношение Тегерана к Эр-Рияду в настоящее время или же ирано-саудовское противостояние в нынешней обстановке обуславливается стремлением к достижению объективных целей, где религиозная идеология не играет серьёзной роли.

Основополагающие концепты шиитов-двунадесятников и ваххабитов, оказывающие влияние на внешнюю политику

Шиизм (а именно то его ответвление, которое признаёт веру в двенадцать последовательно правивших уммой имамов, начиная с зятя пророка Мухаммеда Али) является государственной религией Ирана с начала XVI в. Последний из имамов шиитов-двунадесятников, согласно доктрине, ушел в X в. в «великое Соккрытие» и явится лишь в Конце времён для установления справедливости. В настоящий момент это направление ислама остаётся государственной религией Исламской Республики Иран, что прописано в Конституции страны⁴.

Концепция «веляят-е факих»

Долгое время шииты были в ущемлённом положении, находясь под властью суннитских правителей. В Средние века время от времени возникали шиитские государства, самым известным из которых является государство Фатимидов в Северной Африке. Но даже в шиитских государствах власть зачастую принадлежала светскому правителю, не имевшему полномочий регулировать вопросы духовной жизни уммы. Среди исключений — халифы Фатимиды и правители Аламута, которые вели своё происхождение от потомка пророка Мухаммеда Исмаила по прямой мужской линии и, как следствие, часть шиитов, известная как исмаилиты, признавала за ними полномочия имамов, то есть безусловных духовных лидеров. Однако в Иране было распространено другое направление шиизма. Известные в отечественном востоковедении как шииты-двунадесятники, его последователи долгое время находились под главенством суннитов. Считалось, что их безусловный духовный авторитет, двенадцатый имам Махди, находился в «сокрытии», и в этот период они руководствовались словами шестого имама Джафара ас-Садика о допустимости подчинения «неистинной» власти, когда она способствует улучшению жизни шиитов [Филин, 2017: 108]. Таким образом, шиитское духовенство признавало политическую власть светского правителя до возвращения имама Махди, что продолжилось и после прихода к власти в Иране династии Сефевидов и провозглашения этой ветви ислама государственной религией страны. Однако согласно догмату о «скрытом имаме» Махди, в случае опасности для шиитской уммы и предательства властителем «пророка и имамов» авторитетный аятолла может призвать мусульман к восстанию [Дорошенко, 1998: 39].

Такое положение дел сохранялось до XX в. Непопулярная политика шахов из династии Пехлеви, в том числе их демонстративное пренебрежение исламскими нормами и традициями, привели к Ислам-

⁴ Конституция ИРИ. Ст.12

ской революции 1978–1979 гг., в результате которой Иран преобразовался в Исламскую Республику. Её первый руководитель аятолла Рухолла Хомейни сформулировал концепцию «веляят-е факих». Он считал, что «факих — выше правителя». Факихом, религиозным авторитетом среди мусульман, может быть высоко нравственный и справедливый человек, сведущий в вопросах веры. Настоящий правитель должен консультироваться с факихами в случае, если слабо знаком с исламом. Таким образом, считал Хомейни, факих должен быть правителем: в таком случае его не введёт в заблуждение другой недобросовестный факих⁵. Очевидно, что сам монархический государственный строй Саудовской Аравии противоречит идеалам исламского правления, выдвинутым создателем Исламской Республики Иран.

«Высокомерные» и «угнетённые»

В Коране высокомерным («мустакбир» на арабском, в персидском произношении — «мостакбер») называется тот, кто «отворачивается горделиво», когда ему читают знамения Аллаха, «как будто бы и не слышал их, как будто в ушах у него глухота». Такого человека, гласит Коран, ждёт «унизительное наказание»⁶.

В рамках концепции имама Хомейни «высокомерными» или «угнетателями» являются империалистические государства, а также «руководящее меньшинство во главе с правительственными структурами» в мусульманских странах, ущемляющее «угнетённое» большинство⁷. Целью Исламской революции, считал он, было освобождение «угнетённых» («мостазефин») и установление порядка, основанного на справедливости, причём на пути к этой цели аятолла призывал к объединению мусульман и немусульман в борьбе с «угнетателями» [Чикризова, 2017: 283].

В современном иранском политическом дискурсе «высокомерными» названы в первую очередь США и Израиль, а наиболее часто упоминаемыми «угнетёнными» — палестинцы.

Традиции «такийя» и «шахадат»

Одной из особенностей политико-религиозной риторики в современном Иране является идея мученичества («шахадат»). Её основа была заложена событиями гибели Хусейна, третьего шиитского имама и внука пророка Мухаммеда, в битве при Кербеле, произошедшей в 680 г. Как считают шииты, их религиозный лидер мужественно погиб ради идей справедливости и торжества истинно исламского правления [Дорошенко, 1998: 39–40]. Это событие стало одной из важнейших вех как в формировании идеи героической гибели в шиитском вероучении, так и в целом в преобразовании шиизма в отдельное течение ислама. До сих пор во время ежегодных траурных мероприятий по имаму Хусейну в Иране организуются представления, воспроизводящие события битвы при Кербеле. Актёры, изображающие имама Хусейна, его близких и сторонников, одеваются в зеленое, а те, кто играет их противников, облачаются в красное. Имя халифа Язида, войска которого убили имама Хусейна, играет роль оскорбления в адрес врагов Ирана и ислама в иранском политическом дискурсе. В то же время жертвы терактов или стихийных бедствий, а также погибшие солдаты и полицейские считаются мучениками («шахидами») — и именно таким образом именуется в СМИ.

Также с идеей мученичества связана традиция такийя. Она означает, что в случае опасности шиит может внешне соблюдать традиции и обряды другой религии, сохраняя веру в душе.

⁵ Аятолла Хомейни. Исламское правление. Алматы: Атамур, 1993. С. 43.

⁶ Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. Москва: Издательство восточной литературы, 1963. С. 284.

⁷ Хомейни, с. 34–35.

Ваххабизм о шиизме

Основатель ваххабизма Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, живший на Аравийском полуострове в XVIII в., стремился к «очищению ислама». Он осуждал культ святых, утверждая, что нельзя поклоняться никому, кроме Аллаха, нельзя никому иному приносить жертвы и просить о помощи (это касается и пророка Мухаммеда). Аль-Ваххаб и его последователи критиковали практику возведения мечетей над могилами [Васильев, 1999: 79–80]. Тех же, кто не присоединился к их учению, — даже мусульман — они называли «многобожниками» и «неверными» («кафирами») [Васильев, 1999: 84]. Таким образом, шиизм с его развитым культом святых, традицией паломничества к могилам имамов и их родственников и возведения над этими захоронениями культовых сооружений стал объектом критики ваххабитов.

Ваххабизм стал государственной идеологией Саудовской Аравии, образованной во второй четверти XX в. В королевстве религия объединилась с властью дома Сауда [Косач, 2017: 48].

Развитие ирано-саудовского противостояния после Исламской революции

Значение Эр-Рияда начало возрастать в 1980-ые гг., — после того, как в Иране произошла Исламская революция и был свергнут дружественный США шахский режим. Саудовская Аравия начинает рассматриваться как точка опоры проамериканского политического курса на Ближнем Востоке на фоне призывов нового иранского руководства противостоять «большому Сатане» (США).

К началу 2000-ых гг. ИРИ смогла восстановиться после ирано-иракской войны и начала выстраивать собственную систему союзов в регионе. Укреплению позиций

Ирана, в частности, способствовало свержение в 2003 г. Саддама Хусейна и прихода к власти в Багдаде шиитов. В данных условиях Саудовская Аравия начинает рассматривать Иран как своего основного конкурента.

После Исламской революции религия стала играть значительную роль в иранской внешней политике, выражаясь в таких концептах, как «веляят-е факих», «экспорт революции» и «борьба с сионизмом». Претендуя на ведущие позиции среди мусульманских стран, руководство ИРИ не хотело ограничиваться шиитским мазхабом⁸, а стремилось распространить иранское влияние на всю исламскую умму. Аятолла Хомейни критиковал династию Саудов как «жителей дворцов», демонстрирующих напоказ свои богатства и придерживающихся «антикоранического вероисповедания» (ваххабизма). В политической философии лидера Исламской революции династический принцип правления также признавался не соответствующим нормам ислама. Али Хаменеи, в свою очередь, называл саудитов «греховными идолами высокомерия и колониализма», а аятолла Гольпейгани критиковал ваххабизм, который, по его мнению, способствует стигматизации ислама, и саудовскую монархию, стремящуюся «набросить на шею мусульманам ярмо ваххабизма» [Foreign Policy of Iran..., 2020: 92].

Напряженные отношения между Саудовской Аравией и Ираном осложнились в 2016 г. после казни в КСА шиитского проповедника шейха ан-Нимра. Хотя шиитская проблема является одной из наиболее острых во внутренней политике Саудовской Аравии, ан-Нимр не являлся сторонником идеи установления исламской республики, а боролся за права саудовских шиитов против притеснений ваххабитов. Его казнь имела целью спровоцировать Иран [Кузнецов, 2021: 69], который после заключения СВПД⁹ получил возможности

⁸ Имеются в виду все шиитские течения в совокупности.

⁹ Напомним: Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД, известный также как «ядерная сделка») — заключенное в 2015 г. соглашение между Ираном с одной стороны и Великобританией, Германией, Китаем, Россией, США и Францией с другой. Согласно нему, Иран вводил ограничения в отношении своей ядерной программы в обмен на постепенное снятие международных санкций. В 2018 г. США вышли из договора и в одностороннем порядке возобновили действие антииранских санкций.

для улучшения отношений с США. Последовавшие за действиями Эр-Рияда разгром саудовского посольства в Тегеране и разрыв двусторонних отношений, инициированный королевством, определил новый характер взаимоотношений между двумя государствами.

На ирано-саудовские отношения также оказала влияние смена власти в Саудовской Аравии, когда в 2015 г. на трон взошел Салман, наследником которого два года спустя стал его сын Мухаммед, сторонник более агрессивного образа действий, намеренный сдерживать расширение иранского влияния в регионе. Наиболее яркими проявлениями подобной политики стало формирование коалиции для противостояния с йеменскими хуситами, исповедующими зейдизм, одно из течений шиизма¹⁰, и получающих поддержку со стороны Тегерана, а также постепенное сближение с Израилем.

Иран в свою очередь выступает с критикой борьбы саудовской коалиции с хуситами высмеивает её неспособность добиться заявленных целей¹¹. Тегеран также осуждает какие бы то ни было идеи сближения мусульманских стран с Израилем, ускорившегося в 2020 г. после заключения «Соглашений Авраама»¹². Такие действия были охарактеризованы президентом ИРИ Эбрахимом Раиси как попирающие идеи ислама и попытки «взрастить змею в рукаве»¹³.

Отражение ирано-саудовского противостояния в иранском политическом дискурсе

Несмотря на сложность отношений Ирана с Саудовской Аравией, нельзя сказать, что религия играет в них определяющую роль. Особенно ярко это прослеживается в ходе анализа риторики СМИ. Показательным здесь стала осень 2022 г., когда на фоне массовых протестов в Иране, вызванных сообщениями о гибели Махсы Амини, отношения между Тегераном и Эр-Риядом в очередной раз серьёзно обострились. В это время в риторическом поле общим нарративом становится обвинение КСА в том, что оно является «лакеем» и «дойной коровой» Америки¹⁴; его правящий режим называют «кровавым и нецивилизованным»¹⁵. Однако какой-либо серьёзной религиозной составляющей в критике правящего саудовского режима в иранских СМИ не прослеживается.

В целом тематику Саудовской Аравии в иранских государственных СМИ, имеющую отношение к двусторонним отношениям, можно разбить на несколько направлений:

— осуждение Ираном действий Эр-Рияда, оказывающего поддержку антииранским силам в стране и за рубежом (в частности, речь идёт о СМИ);

— критика несоблюдения прав человека на территории самого КСА, в том числе, гонения в отношении местных шиитов;

¹⁰ Течение в шиизме, основанное Зейдом, правнуком имама Али. Вероучение зейдитов имеет отличия от воззрений шиитов-двунадесятников. Так, зейдиты не признают «такийя» и учение о «скрытом имаме». В Средневековье зейдиты создали государства в Северной Африке и в Иране, но позднее это течение сохранилось только в Йемене, на части территории которого с XVII в. до 1962 г. существовал зейдитский имамат.

¹¹ 'арабестан ва хаштомин сал-е таджавоз бе йаман; бази-йе до сар бахт ва хекайат-е офтадан аз чале бе чаре [Саудовская Аравия и восьмой год агрессии в Йемене; игра двух погибших и повесть о падении из ямы в колодець] // ИРНА. — 2022. — 26 марта. — URL: <https://www.irna.ir/news/84696180>; Ансаралла бе ек кодрат-е мосалам дар йаман ва джазире-оль-араб табдиль шоде-аст [«Ансаралла» стала несомненной силой в Йемене и на Аравийском полуострове] // ИРНА. — 2022. — 26 марта. — URL: <https://www.irna.ir/news/84690021>

¹² В СМИ и научных публикациях используются два варианта перевода: «Авраамские соглашения» и «Соглашения Авраама». Второй вариант представляется более благозвучным.

¹³ 'адисази-йе равабет ба режим-е сехьюнисти мананд-е парвареш-е мар дар астин-аст [Нормализация отношений с Израилем подобна выращиванию змеи в рукаве] // ИРНА. — 2022. — 29 апреля. — URL: <https://www.irna.ir/news/84735473>

¹⁴ Эмам-е джом'э-йе бирдженд: 'эльм бедун-е тазкийе бала-йе джан-е башарият-аст [Пятничный имам Бирдженда: наука без совершенствования – трагедия для человечества] // Тасним. — 2022. — 3 ноября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/12/2798370>

¹⁵ Баяние-йе моштарак-е везарат-е этела'ат ва саземан-е этела'ат-е сепаш дар баре-йе эктешашат-е ахир монташер шод [Опубликовано совместное заявление Министерства разведки Ирана и Службы разведки КСИР] // Тасним. — 2022. — 28 октября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/06/2795144>

— возможность постепенного сближения Саудовской Аравии и Израиля.

Иранские власти регулярно критикуют деятельность зарубежных СМИ, выступающих с поддержкой протестов. Наиболее серьёзными обвинениям подвергается канал Iran International, который, как утверждается, является проводником антииранской политики Мухаммеда бен Салмана^{16,17}.

На фоне бушующих протестов 26 октября 2022 г. произошёл теракт в мечети Шах-Черах, важной религиозной святыне в городе Шираз. В тот же день агентство Тасним опубликовало сообщение, где говорилось, что «согласно первоначальному расследованию, террорист, совершивший нападение, придерживался такфиристско-ваххабитских взглядов»¹⁸. Два дня спустя представитель верховного лидера Ирана в провинции Кохгилуйе и Бойерахмед Насир Хосейни в проповеди заявил, что США, Великобритания и Израиль, причисленные им к движению «высокомерных», а также Саудовская Аравия оказывали поддержку террористам¹⁹. Однако даже в подобной гневной речи он не включил правящую династию КСА в число «высокомерных». Более того, какого-либо развития идеи участия Эр-Рияда в организации теракта в Ширазе не получили.

Безусловно, иранское руководство не отрицает существование различий между

шиитским и суннитским течениями в исламе. Но, когда речь заходит о религии, власти ИРИ говорят о мусульманах как о единой умме и не делают акцент на доктринальных противоречиях вероучений. Даже «шиитский полумесяц», под которым противники Ирана подразумевают альянс ближневосточных шиитов во главе с Ираном, не является однородным в религиозном плане. Хуситы-зейдиты в доктринальном плане отличаются от шиитов-двунадесятников в Иране и Ираке. Более того, для признания шиитами алавитов²⁰, уже несколько десятков лет находящихся у власти в Сирии, даже потребовалось издание в 1970-ые гг. аятоллы Мусой Садром и Хасаном Ширази соответствующих фетв²¹. Неудача Эр-Рияда в деле выстраивания антииранского «суннитского лагеря»²² во многом была обусловлена готовностью Ирана выстраивать взаимоотношения с соседями исходя из политических и экономических интересов, не обращая внимания на религиозные различия. Примерами могут служить связи Тегерана с Дохой [Жилина, 2020: 201] и Анкарой [Rezaei, 2019: 204].

Представители иранского духовенства периодически продолжают выступать с критикой ваххабизма, который, согласно их мнению, является результатом отклонений от норм ислама²³, входит в число опасных религиозных идей для мусуль-

¹⁶ Фарманде-йе кол-е сепях дар баре-йе кодам ресане-йе зедд-е ирани бе бен салман хошдар дад [О каких антииранских СМИ командующий КСИР предупреждал бен Салмана?] // Тасним. — 2022. — 17 октября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/25/2789426>

¹⁷ Карикатур. Гафтернешанал. Иран интернешанал гаф-е ход ра чегуне мастемали миконад? [Ошибающийся International. Как Iran International скрывает свои оплошности?] // Тасним. — 2022. — 19 октября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/media/1401/07/27/2790639>

¹⁸ Ек мамба'-е агах-е амнияти: 'амел-е хадесе-йе шираз' онсор-е вахаби-такфири буде-аст [Источник в органах безопасности: виновник трагедии в Ширазе придерживался ваххабитско-такфиристских взглядов] // Тасним. — 2022. — 26 октября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/04/2794303>

¹⁹ Эмам-е джом'э-йе ясудж: да'эш пийаденезам-е амрика-ст [Пятничный имам Ясуджа: ИГИЛ – пехота Америки] // Тасним. — 2022. — 28 октября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/06/2795020>

²⁰ Эклектическое учение, основанное в IX в. Нусайром, учеником десятого имама шиитов-двунадесятников Али аль-Хади и одиннадцатого имама Хасана аль-Аскари. Алавизм сочетает элементы шиизма, христианства и доисламских верований. Так, он признаёт существование трёх неразделимых ипостасей Бога и переселение душ и строится вокруг обожествления первого имама Али. Действующий президент Сирии Башар Асад — алавит, как и его покойный отец Хафез Асад (президент Сирии в 1971–2000 гг.).

²¹ Sağartay S. Syrian Crisis Leading Towards Open Turkey-Iran Conflict // The Washington Institute. — 2013. — 26 May. — URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/syrian-crisis-leading-towards-open-turkey-iran-conflict>

²² Mousavian H. Saudi Arabia is Iran's new national security threat // Huffpost. — 2016. — 3 Jun. — URL: https://www.huffpost.com/entry/saudi-arabia-iran-threat_b_10282296

²³ Вахабият бесъяри аз э'эмал-е 'эбади шерк каламдад миконад [Ваххабизм считает язычеством многие формы отправления культа] // Мехр. — 2022. — 15 июня. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/5514797>

ман²⁴ и препятствует сближению шиитов и суннитов^{25, 26}. Однако они не переходят от критики ваххабизма к осуждению самой Саудовской Аравии или её правящего дома. Исключением является упоминание разрушения в 1925 г. кладбища аль-Баки по приказу основателя КСА Абдул-Азиза. Оно являлось местом поклонения мусульман, так как там были похоронены родственники и сподвижники пророка Мухаммеда, в том числе несколько имамов шиитов-двунадесятников (напомним, такое поведение противоречило идее ваххабитов о недопустимости поклонения могилам святых). Это событие упоминается иранскими религиозными деятелями, в том числе и Хаменеи²⁷, но тем не менее оно не служит основой для критики современного руководства Саудовской Аравии.

Более того, критикуя состояние дел в КСА в области прав человека, ИРИ рассматривает их с точки зрения соблюдения фундаментальных прав и свобод. Судьбе саудовских шиитов уделяется значительное внимание, но она рассматривается в контексте ограничения прав определённой группы населения со стороны «саудовского режима»²⁸, но не как борьба представитель одной религиозной группы с другой.

Иранские СМИ регулярно публикуют материалы, посвящённые гонениям на шиитов со стороны саудовских властей.

Но критика нацелена не на суннитов КСА или суннитского духовенства, а против правящего режима, в особенности против Мухаммеда бен Салмана²⁹. В этом отношении иранцы солидаризируются с международными организациями в области защиты прав человека и свободы СМИ. В частности, приводились заявления Amnesty International, согласно которым период правления саудовского наследного принца является «самым тёмным в истории королевства» с точки зрения соблюдения прав и свобод³⁰, а также характеристики его режима как «королевства тишины»³¹. Конечно, уделяется значительное внимание самим фактам гонений на шиитов. Так, в прессе приводились данные ООН об аресте 20 представителей шиитского духовенства и политических деятелей, в частности Мохаммеда аль-Хабиба, родственника, казнённого в 2016 г. Нимран-Нимра³².

Несмотря на серьёзное ухудшение двусторонних отношений в последние годы, превращение Саудовской Аравии наряду с Израилем в основного противника Ирана в регионе [Кузнецов, 2021: 47] и обвинения в адрес Эр-Рияда в поддержке протестного движения в стране, КСА не вошло в число идеологических врагов ИРИ. Так, в отношении США, Израиля (именуемого в официальной риторике «сионистским режимом»)

²⁴ Маванз' бара-йе ек вахдат-е джахан-е шамул бартарарф шавад [Препятствия на пути к всемирному единству должны быть устранены] // Мехр. — 2022. — 7 октября. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/5604009>

²⁵ Эмруз сиясатмадаран-е джахан-е эслами биштар бар табал-е тафрике ва эхтелаф микубанд [Сейчас политики исламского мира больше бьют в барабан раздора] // Мехр. — 2022. — 7 февраля. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/5417224>

²⁶ Зарфият-е мохем-е ресане дар нехадин-е кардан-е вахдат-е эслами [Серьёзный потенциал СМИ в деле институционализации исламского единства] // Мехр. — 2022. — 21 февраля. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/5429725>

²⁷ Киям-е донья-йе эслами аляих-е тахриб-е баки', мане' аз эханат бе кабр-е пайамбар шод [Восстание исламского мира против разрушения аль-Баки стало препятствием для осквернения могилы пророка] // Мехр. — 2021. — 20 мая. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/5215698>

²⁸ «Тахриб-е масаджед» пероже-йе ас-са'уд бара-йе хазф-е мирас-е фарханги-йе ши'ияан [Разрушение мечетей – проект Саудитов, направленный на уничтожение культурного наследия шиитов] // Мехр. — 2022. — 19 ноября. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/5635429>

²⁹ Ташдид-е э'эдам ва саркуб-е мохалефан-е 'арабестан [Рост числа казней и усиление подавления несогласных в Саудовской Аравии] // Тасним. — 2022. — 2 ноября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/11/2797903>

³⁰ Хошдар дар моуред-е афзаеш-е чешмгир-е амар-е э'эдам дар 'арабестан [Предупреждение о значительном росте числа казней в Саудовской Аравии] // Тасним. — 2022. — 23 октября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/01/2792434>

³¹ 'арабестан чегуне бе падшахи-йе сокут табдил шод? [Как Саудовская Аравия превратилась в королевство тишины?] // Тасним. — 2022. — 20 ноября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/29/2807177>

³² Хошдар дар бар-йе сарневешт-е роухани-йе ши'э дар 'арабестан [Преостережение о судьбе шиитского духовенства в Саудовской Аравии] // Тасним. — 2022. — 24 октября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/02/2793074>

и Великобритании в ходе проправительственных демонстраций³³ скандируются гневные лозунги; в отношении Эр-Рияда такого не наблюдается. Невзирая на обвинения саудовских властей в совершении преступных действий, их представители не именуется «сатаной» или «дьяволом». «Сатаной» («шейтан») или «дьяволом» («эблис») могут назвать того политика, который представляется врагом ислама. Так, «парижским дьяволом» именовали иранские СМИ президента Франции Эммануэля Макрона на фоне его поддержки журнала Charlie Hebdo, опубликовавшего карикатуры на пророка Мухаммеда³⁴; «сатаной» традиционно именуется США. Однако иранские религиозные деятели, критикуя саудовскую монархию, не называют самого короля или же его наследника представителем сил тьмы; они могут лишь предостеречь Эр-Рияд от перспективы стать «агентом сатаны»³⁵.

Также не замечено именование короля Саудовской Аравии или наследного принца Язидом или Абу-Суфьяном. Прозвище «Язид», в частности, входило в число оскорблений в адрес Саддама Хусейна³⁶. Абу-Суфьян из рода Омейядов входил в число правителей Мекки во времена пророка Мухаммеда и был одним из главных противников основателя ислама. Впослед-

ствии он стал мусульманином, но к нему, как и к другим представителям рода, закрепилось негативное отношение. Он и его потомки причисляются к категории «высокомерных»³⁷.

Начиная с 2021 г. страны вели при посредничестве Ирака и Омана переговоры о нормализации двусторонних отношений, в ходе которых Иран выражал готовность к «возвращению отношений на нормальный уровень, когда саудовская сторона будет к этому готова»³⁸. В марте 2023 г. при посредничестве Китая прошёл новый этап переговоров, по итогам которых Тегеран и Эр-Рияд достигли договорённостей о возобновлении дипломатических отношений³⁹.

Но ещё до успешного завершения переговоров, когда в ходе осени 2022 г. некоторые иранские СМИ и ряд представителей элиты высказывались с резкой критикой Эр-Рияда, более умеренные круги в руководстве страны не прекращали говорить о важности нормализации двусторонних отношений. «Соседское положение» ИРИ и КСА и необходимость сосуществовать подчёркивал министр информации и национальной безопасности Эсмаил Хатиб⁴⁰, а советник верховного лидера Али Акбар Велаяти призывал к обоюдному возобновлению деятельности посольств⁴¹. После

³³ Тасавир-е хаваи аз шокух-е хозур-е мардом-е ком дар рахпеймаи-йе 13 абан [Азросьемка шестивия в честь 13 абана] // Мехр. — 2022. — 4 ноября. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/5624244>

³⁴ Эблис-е парис [Парижский дьявол] // Ватан Эмруз. — 2020. — 27 октября. — URL: <https://www.vatanemrooz.ir/newspaper/PagePDF/35495>

³⁵ Кодрат ва эктедар-е артеш хар руз биштар аз кабль мишавад [Возможности армии растут день ото дня] // Мехр. — 2022. — 15 апреля. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/5467577>

³⁶ Морур-е хатерат-е халепани ке «акабха» аз ру-йе кетабаш сахте шод [Пересматривая воспоминания летчика, на чьей книге были основаны «Орлы»] // Мехр. — 2022. — 27 сентября. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/5596444>

³⁷ Мобарезе ба эстеткбар дастур-е эслам аст / доньяталаби; мане'-йе эстеткбарсетизи [Борьба с высокомерием – правило ислама. Приверженность к мирскому – препятствие для борьбы с высокомерием] // Мехр. — 2019. — 3 ноября. — URL: <https://www.mehrnews.com/news/4758012>

³⁸ Пайам-е мохем-е иран бе 'арабестан / Тасмим бегирид [Важное послание Ирана Саудовской Аравии: «Решайте!»] // Эктесадньюз. — 2022. — 19 декабря. — URL: <https://www.eghtesadnews.com/بخش-اخبار-ساير-رسانه-ها-542829/61-پیام-مهم-ایران-به-عربستان-تخصیص-بگیرید>

³⁹ Пайани бар бомбаст-е 7 сале дар равабет-е иран ва 'арабестан! [Выход из семилетнего тупика в ирано-саудовских отношениях] // Дипломаси-йе ирани. — 2023. — 11 марта. — URL: <http://irdiplomacy.ir/fa/news/2018226>

⁴⁰ Вазир-е этла'ат: пероже-йе дошман виланесазии-йе иран аст / 'амалият-е энфеджар дар санайе'-е хаваи хонси кардим [Министр информации и национальной безопасности: план врага состоит в разрушении Ирана. Мы нейтрализовали попытки подорвать авиационную промышленность] // ИРНА. — 2022. — 9 ноября. — URL: <https://www.irna.ir/news/84937692>

⁴¹ Велаяти: сефаратха-йе иран ва 'арабестан баяд фа'аль шаванд [Велаяти: посольства Ирана и Саудовской Аравии должны возобновить работу] // ИРНА. — 2022. — 19 октября. — URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/27/2790809>

заклучения соглашения риторика, содержащая утверждения о необходимости мирного сосуществования — или, в зависимости от позиции СМИ, осознание Саудовской Аравией важности нормализации отношений с ИРИ — стала активно использоваться иранской прессой. Достигнутые договорённости, как сообщается, «потрясли мир», но при этом иранцы говорят как о наличии широких перспектив взаимного сотрудничества, так и о существовании проблем, требующих разрешения (наиболее серьёзной называется ситуация в Йемене)⁴².

Подобный курс не может проводиться в отношении идеологических врагов, которыми являются для Ирана США и Израиль. В их отношении звучат призывы к «смерти» (имеются ввиду «смерть» правящего политического режима, а не физическое уничтожение жителей этих стран). Также высказываются призывы к изгнанию «сионистского режима» с «оккупированной территории Палестины»⁴³.

В то же время, прибегая время от времени к характеристике саудовского правящего строя как «кровавого» и «примитивного»⁴⁴, иранские власти не отрицают его легитимность и право на обладание занимаемой территорией. Иран стремится сохранить окно для стабилизации двусторонних отношений, что было бы невозможно в случае придания КСА образа экзистенциального врага, когда откат назад означал бы признание ошибочности государственной идеологии.

Заклучение

В настоящий момент отношение Ирана к Саудовской Аравии обусловлено его прагматическим стремлением к обеспечению собственных интересов и не продиктовано доктринальными различиями между шиитами-двунадесятниками и суннитами-ваххабитами. Даже при наличии обвинений в адрес Эр-Рияда в осуществлении гонений на шиитов в самом КСА и ведении войны с хуситами в Йемене, а также заявлений о вмешательстве королевства во внутренние дела Ирана и поддержке протестного движения, иранские власти не прибегают к использованию религиозных обвинений в адрес саудовского правящего дома. Таким образом, Тегеран не вводит своё противостояние с Эр-Риядом в плоскость борьбы с врагами ислама. Его риторика в адрес соперника сосредоточена на критике ущемления прав человека и вмешательства во внутренние дела других государств, то есть проблем, присущих не только исламским странам, но и всему остальному миру. Это согласуется с гибкостью внешней политики ИРИ и её прагматической готовностью к сотрудничеству невзирая на религиозные различия — даже с Саудовской Аравией, если этого потребуют обстоятельства и будут созданы соответствующие условия.

Список литературы:

Ахмедов В.М., Кулагина Л.М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е – начало 2020-х гг.). — Москва: Институт востоковедения РАН, 2021. — 208 с.

Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). — Москва: Классика плюс, 1999. — 670 с.

Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. — Москва: ИВ РАН, 1998. — 237 с.

⁴² Хамкари-йе иран ва 'арабестан джахан ра текан мидехад [Сотрудничество Ирана и Саудовской Аравии потрясло мир] // Fars News Agency. — 2023. — 11 марта. — URL: <https://www.farsnews.ir/news/14011220000088>

⁴³ Палестины как исторического региона.

⁴⁴ Наиболее резкая риторика исходит от руководителей силовых ведомств, в то время как миролюбивые заявления делают представители дипломатического корпуса страны.

Жилина И.Ю. Катар: итоги трехлетней экономической блокады (2017-2020) // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. — 2020. — № 3. — С. 194–205.

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия»? // Религия и общество на Востоке. — 2017. — № 1. — С. 7–50.

Кузнецов А.А. Суннитско-шиитские противоречия в контексте геополитики региона Ближнего Востока (1979–2016). — Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. — 345 с.

Месамед В.И. Иран-Израиль: от партнерства к конфликту. — Москва: Ин-т Ближнего Востока, 2009. — 375 с.

Свиштунова И. А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО Университета. — 2019. — Т. 12, № 4. — С. 130–144. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-130-144>

Филин Н.А. Конфликт старых и новых религиозных форм в политической жизни Ирана после Исламской революции 1979 г. // Власть. — Т. 25, № 11. — С. 107–110.

Чикризова О.С. Дихотомия «Обездоленные - высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2017. — Т. 17, № 2. — С. 279–289. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-279-289>

Чикризова О.С. К вопросу о методологии изучения суннито-шиитских взаимоотношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2015. — Т. 15, № 3. — С. 74–82.

Foreign Policy of Iran under President Hassan Rouhani's First Term (2013–2017) / ed. Zaccara L. — Singapore: Springer Singapore; Palgrave Macmillan, 2020. — XII, 235 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3924-4>

Osiewicz P. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. — London: Routledge, 2020. — 208 p. <https://doi.org/10.4324/9781003018285>

Rezaei F. Iran's Foreign Policy After the Nuclear Agreement: Politics of Normalizers and Traditionalists. — Cham: Springer International Publishing; Palgrave Macmillan, 2019. — XI, 255 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-76789-5>

Seliktar O., Rezaei F. Iran, Revolution, and Proxy Wars. — Cham: Springer International Publishing; Palgrave Macmillan, 2020. — XI, 245 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-29418-2>

References:

Akhmedov, V. M. and Kulagina, L. M. (2021) *Osnovnye napravleniya politiki IRI v arabskikh stranah Blizhnego Vostoka (1990-e – nachalo 2020-h gg.) [Main Directions of the IRI's Policy in the Arab Countries of the Middle East (1990s - early 2020s)]*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ. (In Russian).

Chikrizova, O. S. (2015) 'On the methodology of research of sunni-shiite relations', *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series International relations*, 15(3), pp. 74–82. (In Russian).

Chikrizova, O. S. (2017) "'Oppressed — oppressors" dichotomy in shi'ite perception of international relations', *Friendship University of Russia. Series International relations*, 17(2), pp. 279–289. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-279-289>

Doroshenko, E. A. (1998) *Shiitskoe duhovenstvo v dvuh revolyuciyah: 1905–1911 i 1978–1979 gg [The Shiite clergy in two revolutions: 1905–1911 and 1978–1979]*. Moscow: IV RAN Publ. (In Russian).

Filin, N. A. (2017) 'Conflict of Old and New Religious Forms in the Iranian Political Life of after the Islamic Revolution of 1979', *Vlast'*, 25(11), pp. 107–110. (In Russian).

Kosach, G. G. (2017) 'Saoudovskaya Araviya: «religioznoe gosudarstvo» ili «gosudarstvennaya religiya»? [Saudi Arabia: "Religious State" or "State Religion"?]', *Religiâ i obshchestvo na Vostoke*, (1), pp. 7–50. (In Russian).

Kuznetsov, A. A. (2021) *Sunnitsko-shiitskie protivorechiya v kontekste geopolitiki regiona Blizhnego Vostoka (1979–2016) [Sunni-Shiite Contradictions in the Context of the Geopolitics of the Middle East Region (1979–2016)]*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ. (In Russian).

Mesamed, V. I. (2009) *Iran-Izrail: ot partnerstva k konfliktu [Iran-Israel: From Partnership to Conflict]*. Moscow: In-t Blizhnego Vostoka Publ. (In Russian).

Osiewicz, P. (2020) *Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003018285>

Rezaei, F. (2019) *Iran's Foreign Policy After the Nuclear Agreement: Politics of Normalizers and Traditionalists*. Cham: Springer International Publishing; Palgrave Macmillan (Middle East Today). <https://doi.org/10.1007/978-3-319-76789-5>

Seliktar, O. and Rezaei, F. (2020) *Iran, Revolution, and Proxy Wars*. Cham: Springer International Publishing; Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-29418-2>

Svistunova, I. A. (2019) 'Turkish-Iranian Relations in the Middle East: in Search of the Regional Balance', *MGIMO Review of International Relations*, 12(4), pp. 130–144. (In Russian). [10.24833/2071-8160-2019-4-67-130-144](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-130-144). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-130-144>

Vasiliev, A. M. (1999) *Istoriya Saudovskoj Aravii (1745 g. – konec XX v.) [The History of Saudi Arabia (1745 – end of XX century)]*. Moscow: Klassika plus Publ. (In Russian).

Zaccara, L. (ed.) (2020) *Foreign Policy of Iran under President Hassan Rouhani's First Term (2013–2017)*. Singapore: Springer Singapore; Palgrave Macmillan (Contemporary Gulf Studies). <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3924-4>

Zhilina, I. Y. (2020) 'Katar: itogi trehletnej ekonomicheskoj blokady (2017–2020) [Qatar: the results of the three-year economic blockade (2017–2020)]', *Ėkonomičeskie, social'no-političeskie, ètnokonfessional'nye problemy afro-aziatskih stran*, (3), pp. 194–205. (In Russian).

Информация об авторе

Михаил Андреевич Подрезов — лаборант-исследователь Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Mikhail A. Podrezov — Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 15.04.2023; принята к публикации 30.05.2023.

The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 15.04.2023; accepted for publication 30.05.2023.